

Новая газ. - с. 16-17.

Владимир Познер — один из немногих носителей высокой профессиональной репутации. Всем уже известно: он может избежать невозможных для гостелевидения тем, но никогда не займется пропагандой и не станет врать.

Кроме того, Познер по-прежнему **задает вопросы**, а не провозглашает истины. Хотя, когда его называют с придыханием «Владимир Владимирович», министры понимают, что общаются не только с ним...

Наталья Ростова, обозреватель «Новой», тем не менее **задает Владимиру Познеру жесткие вопросы**, не особенно считаясь с существующей телевизионной реальностью.

— Я с вашей цитаты хотела бы начать. Вы в своей колонке в журнале «Экспресс» написали, что сегодня представляет собою российский телеэфир — «причудливую смесь, состоящую из окровавленных тел, нескончаемой стрельбы, юмора, рассчитанного на интеллект большого лабрадора, бодряческого смеха, перебиваемого душераздирающими криками пытаемых садистами людей, и пошлых до тошноты интервью с так называемыми звездами». А вопрос такой: почему, так критически оценивая российское ТВ, вы продолжаете на нем работать?

— Ну, я на этом телевидении пока могу работать, программу смотрят, иногда даже очень. Рейтинги разные, но бывают очень высокие. Значит, то, что я делаю, востребовано. Я недоволен общим состоянием ТВ, но не думаю, что это повод для того, чтобы я ушел с него. Уйду, а дальше что? Пока я имею возможность выйти на большое количество людей, дать то, что, я считаю, ТВ должно давать: стимулировать людей на размышления, чтобы понимали, что они не просто жители страны, но и граждане. Для меня уход с ТВ может быть связан только с невозможностью делать ту работу, которую я делаю. В работу не вмешиваются. Пока по крайней мере. Возможно, Константин Львович Эрнст (*гендиректор Первого канала* — Н.Р.) получает какие-то звонки...

— Вы его благодарили на ТЭФИ...

— И еще раз буду благодарить. Но ни разу, с тех пор как мы определенным образом договорились, он не говорит: этого не надо, и так далее.

— Даже о звонках?

— Нет. Два года назад была острая ситуация. Ему сказали, что конкретную программу нужно убрать из эфира. Потом, когда наступил новый телесезон, у нас был разговор. Я сказал, что если моя программа приносит столько неприятностей, то можно ее не делать, найти способ сказать об этом без крика и пафоса. Либо договориться: я буду делать так, как считаю нужным (я не тот, кто ходит с кукишем в кармане). Но тогда, если ее закроют посреди года, я выскажусь. И он сказал: «Давайте делать». С тех пор не знаю, звонят ему или нет.

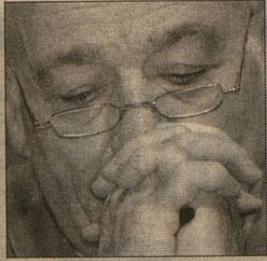
— А что это была за программа?

— Там главным было мое послесловие. Речь шла о создании «Родины». Я сказал, что это мне напоминает историю Франкенштейна, создавшего чудовище, нуждавшееся в нежности и любви, а потом его убившее. Это вызвало очень негативную, мягко говоря, реакцию. Послесловие попросили убрать. Я сказал, что если уберут, то больше не выйду в эфир. Эрнст, как я понимаю, сказал, что не может убрать. Его попросили снять всю программу. Он отказался.

— Вы всегда нарочито подчеркиваете, что вы не сотрудник Первого канала.

— Да, я это делал неоднократно и с упорством.

— Но есть ли какая-то разница, если вы заранее обсужда-

ете темы программ и приглашенных?

— Одну минуточку! Канал покупает программу. Разумеется, он имеет право знать, что покупает. Что касается гостей, то мне могут сказать, что есть те, кого лучше не приглашать. И я это понимаю. Когда я работал в Америке, было абсолютно однозначно: должно быть так, так и так. Журналистская свобода — очень узкий коридор, где всегда есть стены. Если вы попытаетесь стену пробить, то ждите неприятностей. Когда мы обсуждаем что-то с Эрнстом, он может сказать, что этого никто смотреть не будет. Сегодня зрителю важно, чтобы говорили о том, что непосредственно его касается, о его кармане, железяке. Социальные вопросы волнуют его больше политических. Но мы и сами понимаем, что есть темы, повороты, которых не можем позволить. Это государственное ТВ.

Оно приобретает программу, но я не работаю на Первом. Потому что, если я в штате, меня могут вызвать на ковер, могут приказать. А мне Эрнст — не начальник. И для самочувствия моего это важно.

— А это правда, что при записи программы у вас в ухе наушник, на другом конце которого — Эрнст?

— Зачем наушник? Он бывает в аппаратной.

— Я имею в виду наушник редактора, который есть у ведущих.

— Он у меня есть. Руководитель программы Артем Шейнин иногда подсказывает, что вываливаемся из графика, или говорит: спросите то-то.

А Эрнст иногда, очень редко, может сказать: вот это было бы интересно спросить. Но указания? Это невозможно.

— На «Эхе Москвы» вы упомянули, что во время выборов были нежелательны Рыжков-младший, Явлинский...

— Выборы — это важная тема. Когда шел предвыборный год, Константин Львович попросил меня: «Владимир Владимирович, сложное время, прошу вас помягче». Я пошел ему навстречу. Тот год был крайне неудачным. То ли это было в статье, то ли сказано по радио Анной Качкаевой (*телеобозреватель радио «Свобода»* — Н.Р.) — о «подуставших «Временах». Это было очень точно и очень меня задело.

— Обидно?

— Обидно.

— Но почему вы пошли навстречу? Чего-то боялись?

— Да ничего я не боюсь. Вопрос ведь не в этом. Хорошо, меня снимают. Меня это не беспокоит по нескольким причинам. Во-первых, всей своей жизнью я обеспечил себя эконо-

номически. Я не буду искать на улице хлеб. Во-вторых, в любой момент могу уехать. И найду себя. Так что не боюсь. Допустим, уволят Константина Львовича. Кого назначат? Будет лучше? Мне, делаемому программисту, и вообще? Все-таки из тех, кто руководит ТВ, кто сейчас лучше Константина Львовича? Я затрудняюсь с ответом. Я про себя решил: положение непростое, но вопрос не в том, чтобы

— И?

— И, например, программа не вышла бы в эфир. И вы бы об этом наверняка заявили. И, например, лишились работы. И уехали бы (просто вы как-то говорили, что, если не будет работы, уедете).

— Как чудно!

— Поймите, я не за то, чтобы вы уехали. Это просто предположимый крайний сценарий, но он же не самый страшный!

«У меня был горячий спор с руководителем программы, я спросил его: «Как же вы не пригласили оппозицию?»»

Был Беслан, когда вашей программы просто не было.

— Да, я был в отпуске.

— ...и арест Ходорковского.

По поводу ареста вы произнесли последнее слово, но событие не стало сутью программы. Вы считаете, эта тема неинтересна?

— Нет. Но если говорить о Ходорковском, то полностью. Ведь он не белый и не пушистый. Если человек собирается воевать с государством (с любым), то должен понимать, на что идет. Его предупреждают: «Не делай этого», он говорит: «Да я не делаю!», но продолжает. Ему опять: «Не делай!», а он: «Да не делаю!». Удивительно, что государство даст по башке, не приходится. Если говорить об аресте Ходорковского, противником которого (*ареста* — Н.Р.) я являюсь, то нужно говорить, как это произошло. Это будет его оправдание или осуж-

кая, что только таким образом можно дать понять?

— Нет?

— Пока нет. Что подтверждает ваша газета. Или «Эхо Москвы». Или «Завтра» — с другой стороны.

— На ТВ не такая?

— Несомненно, то, что касается информации на ТВ, жестко контролируется, но не настолько, чтобы намеками высказывать отношение.

— А вот на «Эхе Москвы» вы говорите: «Есть один человек, который мог бы быть президентом, если бы не некоторые обстоятельства» — и называете Ходорковского.

— Я еще Чубайса там не звал. И на ответ про Ходорковского Ганнопольский в типичной для себя манере сказал: «Это не я сказал, это вы сказали».

— И, мне показалось, он аж подпрыгнул в кресле. Спросил:

Владимир ПОЗНЕР:

Я взвешиваю смысл того, что делаю

Иногда журналисты даже о хорошей погоде говорят с сожалением

встать на баррикады... Надо заниматься журналистикой. Я сказал: «Постараюсь». Чтобы не обострять ему отношений с руководством. Остался недоволен я этим, жалею. Если бы сказал: «Нет, Константин Львович, я все равно буду делать так, как считаю нужным» — что получилось бы? Не знаю.

Я взвешиваю смысл того, что делаю. Я понимаю свободу журналиста в значительной степени как ответственное отношение. Это не тот вид деятельности, где что хочешь, то и воруешь. Я все время ссылаюсь на председателя Верховного суда США, который сказал: никто не имеет права в кинотеатре кричать «Пожар!» только потому, что хочешь кричать. Последствия могут быть ужасными для свободы других людей. Если уж ты обращаешься к большой аудитории, влияешь на нее (и это факт), то обязан думать, что говоришь. Конечно, это тонкая грань, можно сорваться в любую сторону: в одном случае это безответственность, в другом — конформизм и в какой-то степени предательство профессии.

— Но иначе вы могли бы, как герой фильма Формана и романа Кизи, сказать: «Я хотя бы пытался»...

— «Пытался» — что? Чего бы выбрали кого?

— Да нет! Не пропагандировать, а сделать программу так, как вам кажется нужным.

— Да он вообще не страшный! Когда-то я боялся. Думаю, любой человек, который работал в СМИ в СССР, боялся... В последний раз я испытал профессиональный страх в день путча. Я преодолел его. С тех пор не боюсь.

— У вас как минимум дважды было публичное недовольство своими программами: когда были сплошь представители «Единой России» и сплошь сторонники Януковича. У вас есть уверенность, что это не повторится?

— Есть. И есть два рода ответов на ваши вопросы. Можно занять агрессивную позицию: то, что я делаю, — правильно, вы ничего не понимаете. Но если я решил, что не прав, то не буду играть с вами ни в какие игры. Так как я пропустил это через себя, отвечаю уверенно: нет, не будет. Застрелен ли я от ошибок вообще? Нет. Но такого не будет.

— Было несколько таких критических политических моментов — украинские выборы, российские парламентские...

дение? Кого я приглашу? Я пытался, звонил генпрокурору. Надо отдать ему, кстати, должное. У меня нет никаких вертушек, я звоню ему в приемную, и он всегда берет трубку. Чего нельзя сказать о подавляющем большинстве министров. Я пригласил Устинова — он отказался. С кем делать программу? С одной стороны должны быть про, с другой — contra. И сделать такую программу невозможно.

— Вы «фигу в кармане» не держите, но оранжевый галстук на вас во время украинской революции был?

— Ой, какой был шум! Господи боже мой! Я поразились! Я даже не подумал! Ну, надел галстук и надел. Но неужели таким путем я должен показывать свое отношение? С помощью галстука? Может, носки показать? А может, и трусы? А потом мне звонили! С «Эха Москвы»! Я им говорю: «Вы с ума, что ли, сошли все? Да если бы я хотел быть в оранжевом, то вышел бы в оранжевом!». Странные мозги! Неужели страна та-

«Вы на Первом канале такое же могли бы сказать?». Вы сказали: «Да», но так и не сказали.

— Если мне задают вопрос, кто мог бы быть президентом, я отвечаю. А в своей программе вопросы я задаю. Это разные роли.

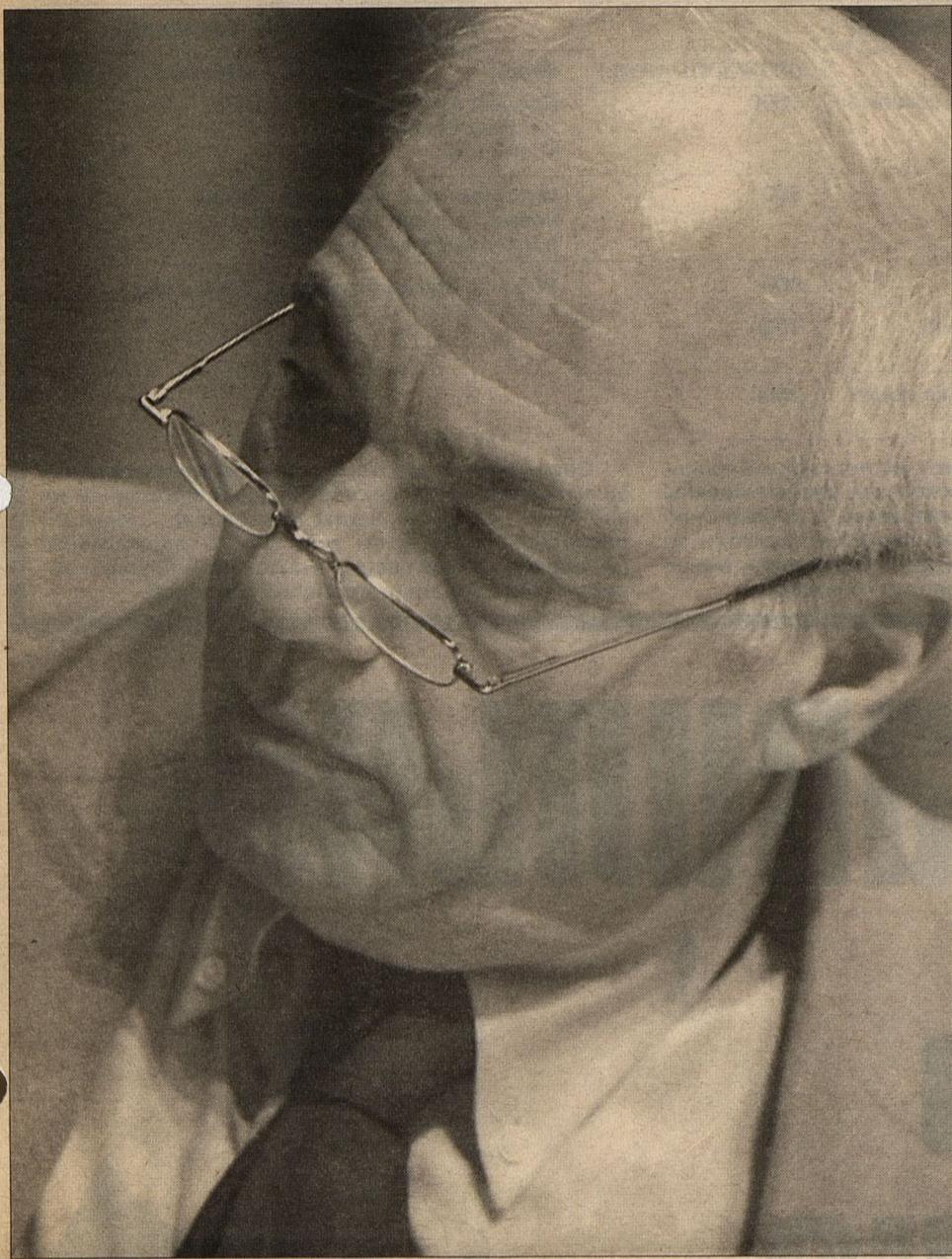
— А последнее слово? Столько поводов было! Хотя бы когда 8 лет дали.

— Зачем? Никакого смысла! Я считаю, что напрасно дали 8 лет, посадили там, где посадили, хотя, как писал Мольер, «ты этого хотел, Жорж Данден». Я понял вопрос как вопрос о совокупности качеств человека и назвал — по масштабности, по уму, по твердости. Не потому, что «посадили — не посадили». Кто еще? Явлинский? Не думаю. Сегодня в России я не вижу никого или просто не знаю. Иногда, правда, приходит шальная мысль: «Может, Матвиенко могла бы?». Она интересный человек.

— Зато вы с нынешним президентом встречались. Дважды?

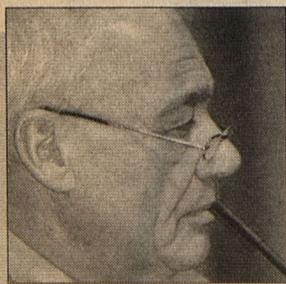
«Журналистская свобода — очень узкий коридор, где всегда есть стены»

— Да.
 — **Один раз лично?**
 — Да.
 — **Вы взяли обязательства не рассказывать о встрече?**
 — Нет, но когда президент принимает тебя не как журналиста, который будет задавать ему вопросы для дальнейшего использования, а по твоей просьбе (потому что ты хочешь обсудить важный не только для тебя вопрос), то су-

мой, в президентском окружении все больше и больше говорят о возможности создания общественного ТВ. Да и не только там. Значит, не зря.
 — **Вы видите, многих ваших коллег уже нет в эфире. С кем же соперничать? С Пушковым?**
 — Почему я должен с кем-то соперничать?
 — **Ну как? Конкуренция между каналами. Сейчас ваши конкуренты — Пушков, Соло-**

Я потом Шейнину говорю: «Вы чего Говорухина пригласили? Этого же нельзя делать». Он говорит: «По закону — можно». Зачем? Это была просто глупость. Между ними двумя предпочел бы, наверное, Шендеровича. Хотя, конечно, не знаю, какой из него депутат.
 — **В своей программе вы критикуете журналистов...**
 — Например?

«Я приходил к президенту, чтобы обсудить вопросы общественного ТВ»

ществуют правила игры. Я мог бы как журналист сказать: «Раз не сказал «не для печати», значит, могу». Отчасти могу, но есть вещи, которые не буду рассказывать: должно все-таки существовать доверие между людьми. Я, возможно, еще раз захочу с ним встретиться. И это все-таки президент. Я приходил, чтобы обсудить вопросы общественного ТВ. Это был доверительный разговор. Почему я должен рассказывать прессе?
 — **Вы видите, что с ТВ происходит с 2001 года, но вы идете к президенту, видимо, надеясь изменить его точку зрения. Вас действия не убедили?**
 — Да, изменить его взгляд об общественном ТВ. Президент ведь находится в окружении разных людей... Я считаю, нужно пробовать. Если говорить заранее, что все бесполезно, тогда зачем? А сегодня в результате многих разговоров, среди которых и

вьев, прекрасный аналитик Павловский...
 — А что плохого? Для меня — ничего. Во-первых, я их не считаю конкурентами. Я занимаюсь журналистикой.
 — **И еще про один ваш выпуск наша газета, например, писала: о приглашении накануне выборов Говорухина.**
 — Я лично даже забыл, что он баллотируется! По-английски это называется glitch. Вообще его появление — это минус для него. Он такую ерунду лепил! Мне же все равно было — позвать его, Шендеровича...

— После энергокризиса вы закончили программу пассажем: журналисты, мол, получили чуть ли не сексуальное наслаждение от кризиса — хотя бы видеть во всем чернуху.
 — Далеко не все, но у нас есть совершенно явное стремление целого ряда журналистов и СМИ сосредоточиться на негативе. Я не очень понимаю смысл. Я шутил, что иногда с сожалением говорят о хорошей погоде...

●
 Фото Сергея КУЗНЕЦОВА

P.S. За время подготовки интервью к публикации Владимир Познер успел встретиться с Владимиром Путиным в третий раз — в связи со Старым Новым годом. На встрече со стороны администрации присутствовали: Владислав Сурков и Алексей Громов. Среди приглашенных: Константин Эрнст, Олег Добродеев, Александр Орджоникидзе, Александр Пономарев, Маргарита Симоньян, Татьяна Миткова, Владимир Соловьев, Глеб Павловский, Михаил Леонтьев, Кирилл Клейменов, Сергей Брилев, Дмитрий Сиселев, Алексей Пушков, Виталий Третьяков, Петр Толстой, а также Сергей Марков, Сергей Караганов и Валерий Федоров. Перед встречей президент попросил: не для печати.